

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- И. Д. ДИМИТРОВ глава информационно-аналитической компании Seldon (Москва), исполнительный директор Ассоциации электронных торговых площадок РФ
- С. А. ДЯТЛОВ профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- С. Н. КАСАТКИН профессор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. КОТОВ специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. И. ЛУЧЕНОК заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, кандидат юридических наук, профессор, почетный профессор СПбГУП
- В. ПРОДАНОВ директор Фракийского научного института, профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
- Р. А. РОМАШОВ профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
К. Е. СИГАЛОВ	заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент
В. В. ТРОФИМОВ	директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
С. Ф. УДАРЦЕВ	руководитель научно-исследовательских проектов Университета КАЗГЮУ (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник высшей школы Республики Казахстан
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)
В. Л. ЭНТИН	директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Уважаемые коллеги, разрешите приветствовать вас сегодня, во второй день XVIII Международных Лихачевских научных чтений на заседании секции 4. Мы рады видеть всех участников конференции, прибывших к нам из разных городов нашей страны и мира, профессуру нашего Университета и, конечно, лучших студентов экономического и юридического факультетов нашего Университета.

Вчера состоялось пленарное заседание, а сегодня мы, как обычно, не повторяем свои доклады, которые уже опубликованы на сайте Университета, а выступаем по проблематике секции и по мотивам того, что обсуждалось во время пленарного заседания. Таким образом при издании сборника материалов Чтений мы сможем включить в него не только предварительно подготовленные тексты, но и те вопросы, которые будут затронуты сегодня во время дискуссии. По сложившейся традиции начинаем наше заседание с приветствия ру-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За трудовое отличие», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Почетный профессор СПбГУП.

ководителей секции. Пожалуйста, Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов!

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Большое спасибо за возможность снова прийти в этот зал. Здесь всегда собирается дружелюбная и заинтересованная аудитория — вероятно, потому, что Университет проводит такую политику. И студенты, и преподаватели, и приглашенные научные работники, как говорится, держат руку на пульсе общественных событий, которые происходят как у нас в стране, так и в остальном мире.

Наше время отличается необычайным динамизмом. С учетом тематики нынешних Лихачевских чтений сегодня мы делаем акцент на проблемах, связанных с общественными отношениями, в том числе с правом и экономикой, в аспекте культурного развития и культурного бытия. Мы говорим о многообразии культур и ценностей и, соответственно, о многообразии правовых систем и национальных экономик. Вместе с тем глобализация диктует и другой вопрос: как сосуществовать в мире не только экономикам и правовым системам, но и культурам? Ведь культура не живет отдельно от экономического и правового поля, она влияет на формирование обеих этих сфер. Есть и обратная зависимость: для развития культуры требуется материальная и правовая основа. Поэтому вопрос здесь в том, как увязать многообразие и самобытность с общими

ровыми процессами. Эти процессы, с моей точки зрения, развиваются по синусоиде и, безусловно, требуют осмысления. Нельзя почитать на лаврах, даже если вы достигли впечатляющих высот в экономике и праве, потому что в любой момент они могут прийти в противоречие с окружающим миром.

Даже позитивное развитие — не всегда только благо. Когда обсуждаются проблемы, связанные с новыми технологиями (а у нас как раз заявлена цель — развитие цифровой экономики), возникает вопрос: какая технология — лучшая? Передовая, которую можно заимствовать, либо наиболее адекватная — такая, что ее смогут воспринять наши экономика и общество? Если не проработать этот вопрос, то нечто совершенное может попасть в неумелые руки, и это не приведет ни к какому развитию. Необходимы также механизмы, связанные с внедрением. Это и экономические модели, и их правовое сопровождение.

Другая острая проблема — миграция, и она также связана с экономикой. Во многих странах необходим приток рабочей силы извне по причине демографических ям, которые необходимо заполнить. Но мигранты приезжают вместе со своей культурой, отличной от той, которая существует в данной стране и на ее трудовом рынке. Культурная адаптация этих людей требует решения в правовой среде. Но насколько эта среда соответствует реалиям нынешнего дня? Надо в первую очередь наладить правовое регулирование экономики, непростых межэтнических и культурных отношений и других сфер жизни, чтобы все это шло на пользу и отдельной стране, и региону, и всему миру.

Вероятно, мы затронем очень разные проблемы и будем высказывать противоположные мнения, но возможные решения все же необходимо искать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я, как глава Оргкомитета Чтений, приветствую вас и желаю плодотворной дискуссии. Сегодня в рамках форума у нас работают 1,5 тыс. участников — 750 человек взрослой аудитории и 750 школьников, которые соберутся через несколько часов. Это старшеклассники, в течение года присылавшие свои работы на конкурс. В этих работах, посвященных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, они пытались осмыслить его богатое и неопценное творческое наследие. Сегодня победители конкурса получают возможность выступить перед аудиторией, дети будут обмениваться мнениями и т. д.

В научной школе Университета профсоюзов выработался особый подход, который мы утверждаем в последние десятилетия. И этот подход распространяется далеко за пределы нашего вуза. Он базируется на отношении к разным областям научного знания как к изучающим различные сферы культурной жизни человека.

Напомню, что тема нынешних Чтений — «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Тема вашей секции касается экономики и права, и тоже в контексте культурного развития. Такая постановка проблемы предполагает, что под культурой понимается все то, что создано руками и разумом человека за всю его историю. То есть весь окружающий мир можно условно подразделить на природу и культуру.

Определений культуры уже насчитывается больше тысячи, но я говорю о наиболее широком подходе, который позволяет установить важные с точки зрения современных исследований отношения между подсистемой экономики, подсистемой права, подсистемой массовых коммуникаций и др. Когда мы хотим определить взаимосвязи между явлениями из разных сфер профессиональной деятельности, нам нужен наиболее общий подход.

Вспоминается любопытная история, рассказанная Даниилом Граниным. Он оказался в Москве в момент назначения нового министра культуры. И вот в помещении, где Гранин ожидал встречи с Путиным, вошел влиятельный человек. Завязалась беседа, и этот человек задал вопрос: «Даниил Александрович, а что такое культура?» Гранин удивился, и собеседник пояснил: «Мы сейчас министра назначаем. Чем он будет руководить, что надо вменить ему в обязанности?» Пришли к выводу, что культура — это культурные учреждения. Однако ученые считают иначе, хотя и министру стоило бы иметь более широкий взгляд на культуру. Это общий методологический подход к тому, что происходит сегодня в Университете.

Я убедительно прошу всех выступать кратко и по существу — во-первых, чтобы могли выступить как можно больше участников, во-вторых, чтобы крупные ученые нашего времени запомнились новому поколению студенчества, присутствующему в зале. У современной молодежи, как правило, формируется так называемое клиповое мышление. Но когда ребята повзрослеют, они будут вспоминать свои юные годы, и хотелось бы, чтобы среди этих воспоминаний одним из самых интересных были Лихачевские чтения, где они могли воочию увидеть замечательных ученых и услышать настоящую научную дискуссию. Поэтому я предлагаю всем участникам секции не повторять доклады, которые уже опубликованы на сайте Университета, а лаконично и емко формулировать свои мысли, чтобы дискуссия получилась максимально содержательной и насыщенной смыслами. Лихачевские чтения — это научный форум по опубликованным докладам. Обсуждайте, спорьте, дополняйте — только так, в совместной работе, выкристаллизовываются новые и конструктивные идеи.

Наш форум по традиции посвящен академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Получилось так, что, начав свою научную деятельность как филолог, он впоследствии стал культурологом. Поздравляю вас с праздником, к которому традиционно приурочены Лихачевские чтения: 24 мая мы отмечаем День славянской письменности и культуры — День памяти создателей нашей письменности, выдающихся просветителей, равноапостольных Кирилла и Мефодия. К тому же именно 24 мая наш Университет был освящен Русской православной церковью, что стало объединяющим моментом для людей религиозных и атеистов. В этот день в нашем вузе одни чтут память просветителей, другие отмечают день святых Кирилла и Мефодия, и все вместе — как День рождения Университета. Спасибо вам за участие в форуме.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Дорогие друзья, должен предупредить вас о двух ограничениях. Во-первых, давайте попытаемся избежать недопонимания между представителями разных, хотя и близких специальностей — экономики и права. И во-вторых — повторю вслед за Александром Сергеевичем: предлагаю выступать кратко и по существу, чтобы успеть за несколько минут донести до аудитории все, что вы считаете нужным, и ответить на вопросы коллег.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Первым выступит известный ученый-экономист, академик Георгий Борисович Клейнер.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — То, что я собираюсь сказать, как мне кажется, имеет большое значение для определения контуров будущего в контексте культурного развития. Сегодня при обсуждении перспективы одним из наиболее популярных является вопрос о структуре будущего мира. Его структура была биполярной, а сейчас становится однополярной. Возможна ли иная структура? Сколько должно быть полюсов? Я говорю не о том, чего нам хотелось бы, а об объективно оптимальной структуре. Какова научная основа одно-, двух- или многополярности? Этот вопрос так или иначе проходит через все обсуждения будущих контуров, и я хотел бы посвятить свое краткое выступление попытке формирования научной основы ответа на этот вопрос: каким должен быть будущий мир? Это очень важно. В мире более 250 стран, многие из них близки друг другу. Какие страны должны стать центрами силы, полюсами, и сколько должно быть этих полюсов?

Поделюсь своими соображениями на эту тему. Думаю, было бы уместно рассматривать четыре группы стран, и это деление на группы должно быть положено в основу нашего представления о структуре будущего мира. Есть страны, которые решают проблемы организационными методами и ощущают свои пространственные и временные границы. Но есть и другие, считающие свое существование безграничным в пространстве и времени. В промежуточную категорию я отнес бы те страны, которые чувствуют свои пространственные границы, но плохо ощущают временные, им кажется, что время бесконечно.

На чем основано такое деление? Мы развиваем в ЦЭМИ так называемую системную экономическую теорию, в которой особенности пространственно-временных границ играют большую роль. В современном мире Россия, безусловно, самая большая страна в мире. И у России нет чувства ограниченности границ. Отсутствие этого чувства зачастую определяет способы «решения» проблем, когда проблема просто «загоняется внутрь» огромной территории. Для США характерно стремление решать все вопросы путем соответствующих проектов; это другой тип страны — проектный. В Евросоюзе острое ощущение своей ограниченности в пространстве, в Китае — во времени, это «процессная» страна. Таким образом, мы выделили четыре типа стран.

Если разделить мир на четыре сектора согласно нашей типологии, то нам откроется удивительная карти-

на. Основная идея заключается в том, что истинный мир является четырехполярным, а не биполярным и не *n*-полярным (полицентричным). Если бы Россия, Америка, Евросоюз, Китай стали неформальными лидерами своих секторов в мировой структуре стран, взяли бы на себя роль ведущих и ощутили свою ответственность как лидера, то мы смогли бы, возможно, преодолеть те противоречия, что сейчас раздирают мир, и обеспечить то, что я назвал бы «согласием несогласных».

Посмотрим, как общаются между собой эти страны, как складываются их взаимоотношения. Оказывается, то, что мы ставим во главу угла — обмен товарами, перемещение людей, экономические связи и тому подобное, — приводит скорее к разобщению. Рано или поздно кто-то затевает экономические войны, возникают миграционные проблемы (а мы знаем, какую остроту они приобрели в последние годы) и т. д. Обмен пространственно-временными ресурсами, к сожалению, не способствует устойчивости мира. А что способствует?

Другая область обмена — культурные ценности. Когда мы говорим о роли культуры в построении устойчивого мира, надо сосредоточить внимание на обмене культурными тенденциями и артефактами. Эту бинарность можно объяснить: все это, если обобщить, примерно соответствует потенциальной и кинетической энергии. Культурные артефакты образуют потенциальную энергию, культурные тенденции символизируют кинетическую. Так вот, обмен культурными достижениями приводит к созданию стратегически устойчивого мира, а не к противоречиям и войнам. Повторяю, достижение такого мира можно назвать «согласием несогласных».

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы упомянули два способа обмена — людьми и товарами, которые ведут к разобщенности, и обмен культурными ценностями, который, наоборот, способствует согласию. Но каким образом культурные ценности могут проникать сквозь границы? Можно ли, не обмениваясь людьми, товарами и технологиями, обмениваться культурными ценностями?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Конечно, все это взаимосвязано. Когда художественный музей из одной страны проводит выставку своей коллекции в другой, то, разумеется, при этом передаются материальные ценности — картины, археологические находки и так далее, и их сопровождают люди, которые организуют и обслуживают выставку. Но ценность картины не равна стоимости холста, красок и рамы. Картина в тысячи раз, а то и сотни тысяч раз дороже. Она содержит энергетическую ценность, которая превосходит ценность материальных предметов, из которых она составлена. И если мы обратим внимание именно на обмен энергетическими ценностями, то сможем ответить на вопрос, что в состоянии удержать мир от вражды и разобщенности.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Моя тема — правовое общение как составная часть русской правовой культуры. Слово «культура» очень емкое. Сложно даже сказать, на какое именно определение культуры лучше опираться в узкоспециальных и междисциплинарных работах. Культура — это явление, которое еще не вполне внятно истолковано для практического использования, поэтому, очевидно, надо работать над тем, чтобы привычные термины получали современное толкование. Общение с классиками ничто заменить не может, но акценты, которые получают различные термины и сама практика культурной жизни, заслуживают внимательного изучения и полезны в общеобразовательном и в практическом подходах.

Я попытался найти заочного консультанта на тему правовой культуры. Прочитал несколько книг и пришел к выводу, что надо посоветоваться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И у меня это получилось. Вот, например, его слова о прогрессивных традициях в русской литературе: *постепенное снижение прямолинейной условности*. Думаю, это можно отнести к культуре вообще, в том числе и правовой. На мой взгляд, до недавнего времени был распространено мнение, что мир развивается прогрессивно и жизнь неудержимо движется вперед. Формулировка Лихачева, насколько я понимаю, касается упрощенного представления об эволюции человечества.

Еще один тезис: *возрастание личностного начала*. В нашей секции уже говорили, что насчет прав человека и гражданина все понятно, а вот права личности никак не укладываются в сознании. Оформление прав — искусственное, но их природа, наверное, естественная, и сочетание естественного и искусственного усложняет представление о правах личности.

Далее. *Расширение социальной среды*. Может, нам стоит поискать примеры, которые иллюстрируют эту тенденцию, если она, конечно, существует.

Расширение и углубление читательским восприятием литературного произведения. Вот размышление по аналогии: обогащается ли законодательство благодаря практическому опыту потребителей законов?

Некоторые обобщения. В правовом общении можно выделить следующие аспекты. Во-первых, начальный момент правового общения — мифы, предания, прецеденты, законы заимствования и пр. То есть обычай и обычное право, которое, кстати, существует до сих пор. Во-вторых, возрастание согласованных упорядоченных вариантов организованности. В-третьих, усиление согласованных групповых и личностных начал, расширение социально-этнической среды действия норм и обычаев с сохранением разделения на своих и чужих и т. п. В-четвертых, рост гуманистического начала в наказании. В-пятых, применение цифровых технологий в учете судебной практики. Вот такие соображения навеяны творчеством Дмитрия Сергеевича.

В. А. КОВАЛЕВ, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук: — Вы привели интересный тезис о правах личности — не человека и гражданина,

а именно личности. Как в данном случае понимается личность — как психологическая категория или статусная? Если статусная, то история знает такой опыт. Если психологическая, то возникает вопрос неспособности человека к самоописанию с учетом существования личностного подсознания.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я считаю, что личность — это прежде всего социальное существо, как и гражданин, и человек. Сложность восприятия этого социального существа связана с тем, что оно постоянно меняется — в мировоззренческом плане, образовательном, биологическом и пр. Поэтому возникает сложность оперирования с категорией прав личности.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Сейчас нам предстоит выслушать два взаимосвязанных и очень интересных выступления. Илия Димитрович Димитров.

И. Д. ДИМИТРОВ: — Начну того, что многим может показаться банальностью. Один из моих учителей говорит: «Знаете вы закон Архимеда или нет — не имеет никакого значения. В тот момент, когда вы залезаете в ванну, закон Архимеда работает». То же можно сказать и о новом мире, в котором нам приходится иметь дело с высокими технологиями и цифровой экономикой.

В последние несколько лет мы наблюдаем нарастающие изменения в технологиях. Но если спросить у экономистов и политиков, что такое нейронные сети, блокчейн и так далее, то они вряд ли смогут объяснить. И это одна из важнейших проблем: «Нас невозможно сбить с пути — нам все равно куда идти».

Вряд ли кто-то будет спорить, что эволюция человеческого общества даже в ближайшей перспективе будет определяться развитием цифровых технологий. Общественные институты следуют за стремительным прогрессом средств коммуникации. В свое время газеты сильно повлияли на общественное развитие, в последние 40–50 лет — радио и телевидение. Сейчас этот процесс ускоряется: информационные технологии оказывают воздействие на все ключевые процессы — социальные, культурные, экономические, политические.

В то же время наблюдается интересная тенденция, которая сегодня уже упоминалась, — формирование клипового мышления. Мы видим, как происходит трансформация. В тех странах, где люди технически не очень грамотны, они скорее воспринимают такую информацию, которая подается не в виде текста, а в виде образов. Однако это приводит к тому, что люди глупеют. Получается, что клиповое мышление — плохо. Но это только с одной стороны, а что с другой? Представьте, что мама читает ребенку сказку «Колобок». Она берет книжку и показывает картинки: это колобок, это лиса. Невозможно представить, что мать дает двухлетнему малышу текст и говорит: «Читай, это интересно». Природа человека такова, что он воспринимает информацию в образах, и чем она сложнее, тем проще становятся образы, чтобы воспринимать их быстрее. Отсюда смайлики и другие символы

лы. То есть впервые в истории на первый план помимо текста выходит образное мышление и изумительные образы ассоциативной игры, которая постепенно нас меняет.

Кроме того, все это также сильно влияет на культуру. Один из основных барьеров, связанных с русской культурой, — лингвистический. За границами страны мы слышим другие языки — польский, немецкий, английский и т. д. Это мешает восприятию информации. Современные технологии снимают эти барьеры: у нас появляется новый мир, не имеющий границ. В других странах возникают достаточно сложные политические явления, связанные с обработкой цифровых данных, самый очевидный пример — консалтинговая компания «Кембридж Аналитика», которая на основе глубокого анализа данных формирует общественное мнение и управляет сознанием людей.

Информацию сегодня часто называют «новой нефтью». Однако никакая информация сама по себе не имеет никакой ценности. Главное — система обработки данных, аналитика и т. д. Та страна, которая будет обладать лучшими технологиями обработки информации, получит огромные преимущества. Уже сегодня мы сталкиваемся с фейковыми новостями, которые, если их вовремя не распознать, могут иметь определенные последствия. Мы видим, как возросло влияние России в мире благодаря телекомпаниям Russia Today. Мы уже имеем все возможности не просто влиять на ситуацию, а кардинально менять ее.

Остановлюсь еще на нескольких моментах. Как цифровая экономика связана с культурой? Человечество переживает начало четвертой технологической революции, параметры которой были известны уже в прошлом веке. Кратко ее можно описать тремя терминами: все в цифре, новые материалы, новые системы управления. Одно из следствий — цифровая экономика. В чем разница между традиционной и цифровой экономикой? Сейчас одним из ключевых параметров экономического развития является валовой внутренний продукт (ВВП). Вот типичное предприятие: изготавливается, скажем, 100 столов, затем производитель пытается их продать, назначая цену с учетом своих издержек, нормы прибыли и т. д. В цифровой же экономике ВВП почти полностью теряет смысл, потому что огромную роль начинает играть прогнозирование, а важнейшую роль в связи с этим имеет фактор времени. Чем ближе к вам период, на который вы даете прогноз, тем больше вероятности, что прогноз будет верным, а чем дальше, тем сильнее неопределенность. Таким образом, вы управляете с помощью прогнозной модели. В новой экономике вы спрогнозируете, что рынку требуется всего 20 столов и 100 стульев, и никогда не будете производить ту продукцию, которая потом не найдет сбыта. Коммерция становится персонализированной и прогностической, и в связи с этим возникает большое количество сложнейших задач, так как впервые в истории человечества мы начинаем управлять будущим. Нельзя построить будущее из прошлого. Если посмотреть с позиций математики и социологии, этот вопрос возникает из образного мышления, связанного

с управлением образами. Это очень сложно, потому что будущее инвариантно.

И еще один важный момент, связанный с искусственным интеллектом. Что это такое? В первую очередь следующие составляющие: математика, программирование, аналитика, лингвистика, этика и все, что касается визуального восприятия. Если мы забудем об этических нормах, искусственный интеллект нас погубит. Я совершенно уверен, что четвертая революция произойдет именно в России, у нас для этого есть все возможности.

Матвей РЯБИКОВ, *1 курс, юридический факультет*: — Как будет оцениваться эффективность цифровой экономики?

И. Д. ДИМИТРОВ: — Это сложный вопрос. В последние два года мы вместе с китайскими, американскими и европейскими коллегами ищем решение одной из ключевых проблем: какая единица измерения будет в новом мире. Есть несколько гипотез. Понятно, что единицы измерения будут другие, как и системы влияния, и системы прогнозирования и всего остального. Но точного знания об этом пока нет. Новый мир формируется на наших глазах и с нашим участием, у нас есть все шансы сформировать его.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Владимир Васильевич Зябриков, прошу Вас.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Я попытаюсь рассмотреть взаимодействие цифровой экономики и менеджмента.

Итак, неотвратимость цифровизации. Внедрение цифровой экономики — это не инструмент менеджмента, не порождение внутренней среды предприятия, а следствие неизбежного влияния внешней среды на фирму. В этом плане полная аналогия с появлением товаров-субститутов по Портеру, когда рынок как бы обновляется и предыдущие достижения обнуляются. Второй момент. Распространение цифровой экономики — процесс неизбежный, напоминающий «нефтяное проклятие» для России, которое может только усугубить наши неприятности. Все дело в том, что нефтяное проклятие возникает в силу недоразвитости институтов. Довольно глупо, когда у страны неограниченные богатства, а от этого в остальных секторах экономики возникают беды. Единственным объяснением этого являются слабо развитые институты. Например, в Норвегии, тоже экспортирующей нефть, никакого проклятия нет.

Цифровая экономика может сыграть такую же роль. Если цифровые стандарты будут навязаны извне, без четкого понимания, зачем они нужны, то к нефтяному проклятию добавится цифровое. Давайте все же начнем с позитивного. В свое время мы активно пользовались факсом, информация часто искажалась, бизнес испытывал затруднения. Но появилась электронная почта, передающая информацию со стопроцентной точностью. Вначале это было безусловное благо, но теперь электронная почта затрудняет работу, потому что менеджеры слишком много времени проводят за обработкой почты, и к тому же она разрушает организацион-

ную структуру компаний. Когда директор злоупотребляет своей возможностью обратиться одновременно ко всем сотрудникам, он разрушает систему управления и всю организационную структуру компании, потому что нельзя обращаться через голову подчиненного.

И вот теперь цифровизация. Отсутствует вопрос: зачем? Поскольку это не инструмент, а фатальная необходимость, нет критериев оценки цифровизации: это благо или зло для компании. Давайте вспомним закон Мерфи: «Ошибаться свойственно человеку, но окончательно все запутать может только компьютер». На самом деле любой программист знает: что ты в компьютер положил, то и достанешь из него. Если информация недостоверна, то ее обработка только умножит ложные данные. Поэтому вопрос сводится к тому, чтобы обеспечить качественные входные данные, которые в современной экономике вполне могут быть обработаны с помощью электронных таблиц Excel без использования более сложных систем. Менеджмент выше цифровизации.

Обратимся к экспериментальным данным. Совершенствование менеджмента без цифровых технологий дает прирост прибыли на 9 %, с их использованием — на 26 %. Идеальная картина. Тут страшно другое: если цифровые технологии внедряются без совершенствования менеджмента, то прибыль снижается на 11 %. Вывод простой: сначала оптимизировать бизнес, и только после этого внедрять компьютеризацию.

Но давайте посмотрим, что говорят ученые о российской деловой культуре. В каких условиях мы будем внедрять цифровизацию? Российская деловая культура — коллективистская, огромная дистанция власти, долгосрочная ориентация, акцент на накопление, максимальное стремление избежать неопределенности. Это, с одной стороны, может препятствовать внедрению инноваций, но с другой — именно цифровая экономика может помочь, поскольку она дает некоторую определенность — надежные данные, надежное управление. И последний элемент — сдержанность, то есть отсутствие потворства желаниям. Это типология Герта Хофстеде. А Ричард Льюис дает свою классификацию, в рамках которой российская деловая культура относится к полиактивной. Цифровизация может помочь систематизировать деятельность, потому что одновременно ведется работа по разным направлениям.

Нам необходимо искать «соседей по культуре», чтобы изучать их опыт и, возможно, заимствовать у них методы менеджмента и прочее, потому что пытаться брать пример со стран с противоположной культурой, например США, — бессмысленная затея. По мнению Ричарда Льюиса, в этом плане на нас похожи Италия, Испания, Франция, страны юга Европы, страны с плановой культурой. Я согласен с его суждением. Россия будет развиваться примерно так же, как эти страны. Как бы то ни было, внедрять цифровую экономику в рамках существующих культурных стереотипов будет затруднительно. Скорее всего, это задача тех наших сограждан, кому сегодня 20–30 лет.

Еще несколько тезисов. Цифровизация предполагает, по Адизесу, что будет усиливаться административная власть и бюрократия начнет процветать еще

больше, как обычно бывает, когда профессионал оказывается на службе у бюрократов. Но в таком случае компании заходят в тупик. Но если ставка будет сделана на профессионалов и они, поднимая голову, станут хотя бы немного выше бюрократов, то можно будет говорить об успешной цифровизации. Общий вывод: нельзя воспринимать этот процесс как некий рок, им необходимо управлять, каждый раз находя ответ на вопрос: зачем мы внедряем цифровизацию?

В. А. КОВАЛЕВ: — Те данные о росте и падении прибыли в зависимости от цифровизации менеджмента, которые Вы привели, — за какой период они собраны? За год, пять лет, десять? Возможно, внедрение цифровых технологий без улучшения институтов дает снижение прибыли на короткий срок, а в перспективе, напротив, увеличение?

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Да, это в принципе возможно. Долгосрочный эффект не измерялся, были собраны данные только за два года. Но я не верю в то, что этот покойник воскреснет. Дело в том, что в бизнесе все происходит по жесткому сценарию. Если, например, в рамках цифровой экономики надо будет уволить половину персонала, как многие планируют, то после этого возврат на исходные позиции будет невозможен. Поэтому я за «мягкое» управление по японскому образцу, когда цифровые методы внедряются осмысленно и аккуратно. А то, что происходит у нас, на мой взгляд, — просто цифровая истерия, ее главная цель состоит в прощении самим себе ошибок, которые уже были сделаны. Но последствий этих ошибок не избежать. Сначала улучшаем менеджмент, потом закрепляем цифровые стандарты — только так.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте представить слово Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Начну свое выступление с благодарности: столь идеально организованной конференции я давно не видел. Так что огромное спасибо Оргкомитету Чтений!

Прежде всего я хочу задать вопрос студенческой части аудитории. Позволяете ли вы, отличники, которых я распознаю по умным глазам, списывать у себя менее успешной студенческой части вашего сообщества? И если позволяете, то правильно ли делаете? Через несколько минут я дам правильный ответ.

Паразитарная ментальность, которая складывается в обществе, есть фактор поражения справедливости. Мы знаем, что паразитарность прежде всего формируется на уровне общественного сознания, индивидуального и обобщенного, и мы сами ее порождаем. Об этом много пишут и говорят. Ольга Юрьевна Голодец сказала, что треть населения нашей страны работает непонятно где, не платит налогов, не отчисляет взносов ни в Пенсионный фонд, ни в Фонд социального страхования. Тем не менее эти люди пользуются общественными благами, и государство не может им в этом отказать. А те граждане, которые всю жизнь

много и плодотворно работали и выплачивали все положенные взносы, то есть исполняли свой долг перед обществом и государством, в итоге зачастую получают гораздо меньше тех, кто уклонился от этого. Это порождает пессимизм у тех, кто прав, и создает паразитарные настроения в обществе.

В России в настоящий момент нет реальных правовых и социальных инструментов пресечения этого явления. Сейчас идут дискуссии относительно повышения пенсионного возраста. И действительно, его надо повышать. Однако если в развитых странах ушедший на пенсию человек живет еще около 20 лет, то в России, например, мужчины будут получать пенсию в среднем в течение 5 лет — при условии, что пенсионный возраст будет 65 лет, а средняя продолжительность жизни 70 лет.

Таким образом, мы сами порождаем паразитарные настроения. С этим следует постоянно бороться на уровне общественного, прежде всего правового, сознания. Надо победить поощрение паразитизма в нашем сознании.

Возвращаюсь к своему вопросу. Правильно ли это — давать списывать? Нет. Этого делать нельзя. Не давайте списывать троечникам. Они — ваши конкуренты, которые потом сядут вам шею. Посредственность умеет пробиваться наверх, но мы не должны этому способствовать. На мой взгляд, весь вред именно от троечников, потому что двоечников мы выгоняем, отличники честно трудятся, а троечники стремятся жить за счет других.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Анатолию Ивановичу Котову.

А. И. КОТОВ: — Я признателен за возможность рассказать на Лихачевском форуме о развитии Санкт-Петербурга. Проблемные вопросы философии, культуры, свободы, которые поднимались в этом зале, в значительной степени определяют это развитие.

Санкт-Петербург, который отмечает 315-ю годовщину со дня основания, сегодня активно развивается и является замечательным примером стратегического развития. Петр I, посетив в конце XVII века Амстердам, многое перенял у этого города. Сегодня его замысел блестяще воплотился в нашем городе, причем в таких условиях, на такой широте, на которой ни один народ не сможет это повторить. Только гений и трудолюбие русского народа смогли обеспечить такой результат.

За последние 10–15 лет наш город преобразился: Западный скоростной диаметр, новый стадион, башня в Приморском районе, о строительстве которой много спорили. Сегодня эти объекты являются доминантами и украшением нашего города. Но нужно развивать и южные районы Петербурга. Сегодня мы активно работаем над Генеральным планом Санкт-Петербурга, который будет одним из самых современных, перспективных, будет отвечать требованиям горожан.

Любой политик, государственный деятель, экономист должен понимать, что необходимо пройти определенный путь, двигаясь вперед, стремясь к прогрессу,

осознавать, что сегодня мы находимся там, где должны находиться. В настоящее время в Санкт-Петербурге недостаточно объектов социальной структуры, места в уличной дорожной сети.

Наш город уже перевыполнил планы Петра I, в частности связанный с транспортным транзитом. Любой объект имеет свойство набирать свою емкость и достигать пределов. Сегодня наш город с точки зрения транспортной логистики уже обрел свой потенциал, объем грузооборота составляет 20 млн т·км — это предел, который он может переработать. Данный показатель еще позволяет нам чувствовать себя комфортно в городе. Поэтому мы работаем над оптимизацией системы работы транспортно-логистических центров, чтобы в городе было меньше машин, особенно грузового транспорта. Эта непростая задача требует уточнения грузовых потоков, которые проходят через Санкт-Петербург (речь идет прежде всего о железнодорожном транспорте и портах). Создавая порт, мы понимали, что это развитие, работа на перспективу. Наш порт последовательно прошел в своем развитии несколько этапов: сначала он был расположен на Васильевском острове, потом на Обводном канале, в Финском заливе, теперь идет строительство специального комплекса «Бронка» и т. д.

В настоящее время перед нами встали новые проблемы, решать которые будет уже молодое поколение. Один из вызовов связан с переходом к новому укладу, основанному на информации. Но вопросами информационной экономики, точнее, экономики знания, в нашем городе мы системно занимаемся уже сегодня.

В 2014 году благодаря нашим коллегам, в том числе из Москвы, мы разработали стратегию развития нашего города и приняли этот документ. В нем отражено много интересных планов, связанных в том числе с информационной, цифровой экономикой. Для нас это уже практика. Сегодня в городе действуют 86 информационных систем, которые используют в своей работе органы государственной власти. Главный их недостаток — отсутствие верификации точности данных и актуализации. Поэтому одно из направлений развития цифровой экономики мы видим в создании единой базы данных, точнее, банка данных, понимая, что ликвидность этой информации будет на порядок выше. Мы стоим на пороге объединения цифровых концернов, которые помогут построить единую систему. И если эта система и банк данных будут созданы, то бизнес организует соответствующие приложения и сервис.

В этом контексте внедрение проектного офиса «Умный Санкт-Петербург» становится вполне закономерным. Сегодня утверждена концепция этой инновационной программы развития Санкт-Петербурга, которой дал старт губернатор, она функционирует и в ближайшее время будет представлена общественности. Представители бизнеса, органов государственной власти и населения найдут там много интересного. Главный принцип в этой концепции — отношение к людям. С одной стороны, нам важно знать их мнение, с другой — привлечь к управлению городом, выработке решений, которые сегодня зачастую принимаются без об-

ществленного обсуждения или с его минимальным участием. Информационные системы помогут это обеспечить. В последовательном движении к стратегической цели города — повышению качества жизни населения и конкурентоспособности города — сыграет большую роль цифровая экономика, как и те отрасли, которые развиваются в Петербурге, правда, технологии будут меняться на наше благо.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Анатолий Иванович, Вы нарисовали замечательную картину. Когда я приезжаю в Петербург, то каждый раз отмечаю, что изменилось в городе.

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажите, пожалуйста, какие формы привлечения общественности к обсуждению городских проектов предусмотрены в Санкт-Петербурге?

А. И. КОТОВ: — Мы приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных в развитии города через проект *Smart City*, где описана четкая процедура прохождения всех этапов, связанных с представлением проектов. Особенность проекта заключается в том, что иерархическую, классическую линейную систему мы изменили на проектную. При линейном процессе принятия решения занимает неопределенное количество времени, а про проектом — максимум два-три месяца. Мы заложили в концепции, что, помимо отраслевых приоритетов (транспортного, государственного управления, здравоохранения) — потому что создать цифровую экономику без инфраструктуры невозможно, — главнейший приоритет — это люди, возможность с ними общаться и учитывать их мнение через соответствующие сервисы. Это очень важно, на мой взгляд.

Сегодня работают две большие системы — порталы «Открытый город», который дает ответы примерно на 24 тематических направления, и «Наш Санкт-Петербург», отвечающий на текущие ежедневные вопросы, которые может задать любой желающий. Человек оперативно получает ответ на вопросы, связанные с работой служб жилищно-коммунального хозяйства, транспортной инфраструктурой, благоустройством.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Татьяна Владимировна Чубарова, Вам слово.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Я хотела бы остановиться на двух пунктах: первый — общая междисциплинарность, второй — будущее. Вчера на пленарном заседании академик Гусейнов привел образный пример — резервуар будущего, который мы должны наполнить. Я хотела бы рассказать студентам о том, что они могут взять в будущее.

Междисциплинарность — парадоксальное явление. Я занимаюсь социальной политикой и могу сказать, что все, что имеется в обществе, мы можем назвать социальным.

Та же проблема с культурой. Я не знаю, что такое культура. Для исследования культуры мы должны чет-

ко сформулировать предметную область. В Институте экономики РАН работает уникальная группа ученых-экономистов, занимающихся экономикой культуры: аспиранты Александр Яковлевич Рубинштейн и Валентина Юрьевна Музычук.

В области права тоже наблюдается междисциплинарность: например, сейчас получило распространение такое направление, как государственное регулирование экономики. Это прежде всего право, поэтому государственное регулирование неотделимо от правового. Проблема заключается в том, что первоначально: право создает экономическую реальность, условия развития или оно закрепляет экономическую реальность, которая уже сложилась?

Я училась в экономическом вузе много лет назад, но прекрасно помню своего преподавателя по конституционному и государственному праву И. П. Ильинского. Мы изучали все виды права: и таможенное, и налоговое, и частное, и эти знания до сих пор актуальны. Поэтому советую студентам не пренебрегать никакими предметами, потому что неизвестно, что пригодится в будущем.

Следующий вопрос — об альтернативе. Альтернатива в нашей жизни, к сожалению, часто представлена в следующем тезисе: кто не с нами, тот против нас. Даже в стандартных экономических теориях мы должны взвесить все альтернативы.

Академик Нигматулин рассказал о социальной цене реформ, которую мы заплатили в 1990-е годы, о которой сейчас почему-то редко вспоминают. В связи с этим возникает вопрос: как, каким образом мы будем переходить к новому обществу?

К сожалению, мы упустили исторический шанс, который еще нескоро снова представится, — конвергенцию капитализма и социализма. Представляете, что было бы, если бы наши ожидания, что хорошего останется при социализме, дополнились бы тем, что хорошего мы видим в капитализме. Но, к сожалению, этот исторический шанс упущен, потому что капитализм поглотил социализм (его существенные черты исчезли). Сейчас важно предлагать альтернативы, чтобы можно было сделать выбор, а не идти по проторенному пути, пусть даже вслед за умными людьми.

Несколько слов о ценностях. Господин Тощенко говорил о справедливости в целом, но не о социальной справедливости. Я хотела бы посоветовать студентам взять в будущее социальную солидарность, хотя это понятие определяется с трудом. Что такое солидарность в здравоохранении? Это когда богатый платит за бедного, здоровый — за больного, а молодой — за престарелого. Хотелось бы, чтобы принципы социальной солидарности сохранились в будущем обществе.

Но, к сожалению, существует серьезная угроза — неравенство, о которой говорили на пленарном заседании. Сегодня настолько велик разрыв между богатыми и бедными, что он уже многими специалистами рассматривается как классовый. Миры бедных и богатых не пересекаются в реальной жизни. В такой ситуации возникает вопрос, как сберечь социальную солидарность, чтобы сохранить человеческое общество. Как с помощью мер государственно-правового регули-

рования сдерживать и преодолеть это неравенство? Государственная Дума не смогла принять соответствующий закон, то есть она, несмотря на то что заказывает нам исследование проблем прогрессивного налогообложения, не может решить эту проблему.

В заключение я хотела бы привести интересный пример. Я выступаю против образного мышления и считаю, что люди мыслят с помощью языка. К сожалению, у студентов образы часто не складываются в единую картину, этому мешает клиповое мышление. Но сейчас я вынуждена воспользоваться образом «продукт Депардье». Господин Олланд повысил налоги, послушав американских экономистов, которые считают, что до 70 % личных доходов богатых людей надо перераспределять, чтобы достичь равенства. Депардье в ответ решил сменить гражданство и приехал в нашу страну не потому, что он ее любит, а потому, что у нас гораздо ниже подоходный налог. Мы видим реакцию богатых людей на то, что происходит.

Не случайно в ежегодном послании наш президент сказал о том, что мы боремся с бедностью, и это на самом деле просто, особенно если установлен прожиточный минимум, определяемый государством. Но в послании президента не говорится о мерах по борьбе с неравенством. Это один из вызовов, стоящий сегодня перед обществом в целом и молодежью в частности, которой предстоит построить собственное будущее.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, я буду говорить не о главном, а о наболевшем — о масштабах задач изучения справедливости, стоящих перед российской юриспруденцией, и способности соответствовать этим масштабам. На юридическом форуме, который проходит параллельно с Лихачевскими чтениями, В. Д. Зорькин в своем выступлении наметил задачи юридической науки в контексте проблемы справедливости. Я хотела бы оттолкнуться от некоторых его тезисов.

Для того чтобы преодолеть однополярность современного мира, нужно прежде всего выйти за рамки его мировоззренческой односторонности. Социалистическая система в своей солидаристской идеологии противостояла капиталистической именно по линии справедливости. То есть социалистическая и капиталистическая системы конкурировали в общем понимании проблемы справедливости. После краха социалистической системы внутреннее напряжение между солидаристской интерпретацией справедливости и индивидуалистской не исчезло, а приобрело более глубокий смысл, который в свое время уловила русская философия, философия права.

В. Д. Зорькин напомнил о концепции всеединства и идее всеобщего спасения. В современных условиях идея всеобщего спасения, разрабатываемая в русской философии, приобретает исключительную актуальность, потому что в будущее, о котором здесь много говорилось, возьмут не всех. А если кого-то из тех, кто не входит в золотой миллиард, и возьмут, то не в том

качестве, в каком он хотел бы. Нынешняя неолиберальная модель глобального рынка вообще не нуждается в таком количестве людей. На это накладывается тенденция технологической безработицы и грядущая опасная тенденция раскола человечества на элиту, оснащенную всеми достижениями современных технологий, и простолюдинов. У части человечества, которая не является бенефициаром нынешней глобализации, есть колоссальный запрос на солидаристскую версию идеи справедливости. И этот запрос обращен к России, прежде всего к российской юридической науке, философии права. В какой мере наша наука может соответствовать этим запросам — отдельный вопрос.

Сегодня многие специалисты призывают к гуманитарному повороту в обществоведении. Но на самом деле мы подходим к гуманитарной катастрофе. Неожиданно выяснилось, что невысокая зарплата научных работников — не самая большая проблема. Мы теряем не только материальный и социальный статус, но и стабильность положения, без чего невозможна серьезная работа. Мы поодиночке вливаемся в прекариат. Более того, мы теряем свое достоинство, попав в унижительную зависимость от эффективных менеджеров, которые, не умея оценивать научную работу по ее содержанию, предъявляют к нам нелепые требования.

Мы живем в мире, в котором становится актуальным тезис, что миром правят идеи, которые вырабатывает наука. Поэтому перед российской философией права стоит задача предложить правовую и солидаристскую интерпретацию понятия «справедливость». Причем нам нужно не только разработать такую концепцию, но и ввести ее в международный дискурс. А у нас нет даже площадок для международного общения. Лихачевские чтения в этом смысле — исключение.

Я хотела бы закончить свое выступление фразой Джона Гэлбрейта, которая прозвучала несколько лет назад на одном из заседаний Лихачевских чтений в связи с проблемой социального расслоения в Америке: чтобы продолжать что-либо делать, необязательно сохранять надежды. Мне кажется, что это высказывание непосредственно относится к нынешнему состоянию нашей науки, особенно в свете тех задач, которые перед ней стоят.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Валентина Викторовна, справедливость может быть нравственной категорией и в данном случае не имеет границ. Когда мы обращаемся к идее справедливости, то чаще всего говорим об экономической и материальной справедливости. А возможна ли она? Если мы рассмотрим три из четырех возможных систем — США, Китай и Россию, то процентное соотношение богатых и бедных будет различным, но во всех трех системах оно стократное. Возможна ли в принципе материальная справедливость с точки зрения экономики?

В. В. ЛАПАЕВА: — Материальная справедливость — противоречивое понятие. С моей точки зрения, справедливость — это правовая, а не нравственная категория. Под справедливостью понимается формаль-

ное равенство, но такое содержание справедливости должно быть наполнено соответствующим смыслом, который не исключает понятия социальной справедливости, а лишь вводит его в такие рамки, которые позволяют компенсировать социально незащищенным слоям незаслуженную слабость. Социальная справедливость — именно компенсация незаслуженной слабости в рамках правового формального равенства. Как далеко общество продвинется в этом направлении? Можно компенсировать людям и их интеллектуальное отставание, но это уже зависит от уровня развития самого общества.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Александру Ивановичу Лученку.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Советский Союз развалили, чтобы внедрить свои принципы хозяйствования на территории бывшего СССР. Что из этого получилось? Мы изучаем эти вопросы на макроуровне экономики Беларуси. В нашей стране приняты хорошие законы, Евросоюз каждый год выделяет приличную сумму на разработку новых законов, но только мало что получается. При хорошем законодательстве мы наблюдаем низкий эффект. Законы просто игнорируются.

Мировой опыт показывает, что проблема заключается не только в культурных различиях. Например, законодательство стран Латинской Америки скопировано с законодательства США, но на практике получается гораздо худший результат. Проблема не только в различии культурных традиций, она глубже и зависит от того, кто управляет страной. В США — либеральная демократия, а в странах Латинской Америки почти всегда действовала властная система управления, которая оказала серьезное влияние на развитие экономики. Проблема Латинской Америки заключается не в том, что у них другая культура, а в том, что эта страна принадлежит другой институциональной матрице, существенно отличающейся от институциональной матрицы развитых стран. Вообще существуют две матрицы: Y-матрица (западная) — США, ЕС, Канада, Австралия, и X-матрица, ее еще называют азиатской, — Россия, Китай, большинство стран Латинской Америки, Беларусь и др. Вопрос в том, что важнее — интересы государства или личности? Власть централизована или преобладают элементы децентрализации? Самый главный вопрос: что стоит на первом месте — план или рынок?

Китайцы считают, что у них в стране развита рыночная экономика. Но когда я задал им вопрос, что важнее — план или рынок, они ответили: «Конечно, план». То есть в Китае все централизовано, и страна успешно развивается на этой основе. Трамп тоже прав, когда говорит, что за счет снижения курса валюты они перекачивают ресурсы из развитых стран к себе. В Китае сильно развит госсектор, у нас он менее развит, чем в Китае.

Предпринимается много попыток внедрить в Беларуси рыночную экономику. Например, нам уже лет десять пытаются навязать индикативное планирование (необязательное планирование, когда показатели про-

гнозируются), развивать у нас фондовый рынок (а он не развивается, потому что основная часть финансовых ресурсов распределяется через бюджет или Банк развития).

В настоящее время в России нет рыночной экономики. То, что вы пытаетесь внедрить в своей стране, связано с событиями 1990-х годов, когда ею руководили Гайдар и прочие, активно пытавшиеся перейти к рыночной экономике с подачи Запада. Это привело к тому, что бедные так и не обогатились, но появился класс олигархов.

Чтобы развивать российскую экономику, необходимо обеспечить социальное равенство. Но как его обеспечить, когда ресурсы сосредоточены в руках определенных групп влияния? Поскольку Россия принадлежит к азиатско-восточной институциональной матрице, то перспективы у вас следующие. Будет усиливаться роль госрегулирования, особенно в условиях международной напряженности.

Нужно учитывать еще один момент: многое из того, что написано в западных учебниках, не подходит для России и Беларуси, как и для других стран, для которых характерна азиатская институциональная матрица. Поэтому нужно внимательно изучать опыт и адаптировать его к российской институциональной системе.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Слово предоставляется Роману Анагольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Понимание социальной справедливости в России и на Западе разное. Запад мыслит индивидуальными, протестантскими категориями, поэтому там абсолютно нормальна конкуренция между индивидами. Мы мыслим категориями мира: сам погибай, а товарища выручай. Профессор Чубарова говорила о справедливости, о том, что богатые должны платить за бедных.

Следующий момент, который важен в современном мире, — определение, позиционирование России как государства права и экономики. В основу советского строя был положен формационный подход к пониманию культурного развития, где одна формация сменяет другую, то есть прогрессивная формация приходит на смену архаической и таким образом происходит развитие. Распад советской системы показал если не ошибочность, то по крайней мере неуниверсальность данной концепции. И здесь возникают вопросы: какие государство, право, экономика существуют в современной России, какое место занимает Россия в современном мире?

В одном из докладов была предпринята попытка обозначить четырехмерную модель мира. Были названы четыре лидера: США, Китай, Евросоюз и Россия, причем произошла подмена понятий, так как были выделены три государства и один государственный союз, которые позиционируют себя в качестве лидеров. Если мы говорим не о соревновании амбиций, а об экономиках, то в настоящее время в сфере экономики Россия является аутсайдером: величина ВВП США — 25 %, Китая — 15 %, Евросоюза — 15 %, России — 3 %, как считают оптимисты.

Можно ли рассматривать Россию как страну с европейской культурой? В. В. Путин обозначил границы Европы от Лиссабона до Владивостока. Дмитрий Сергеевич в свое время сказал, что Россия — самая европейская из европейских государств.

Как представляется, современный мир преодолел границы биполярного мира, о чем сказал профессор Графский, когда мир был разделен на нас — культурных и их — варваров, рабов, нелюдей и т. д. Сейчас мир многополярен. В рамках многополярного мира Россия должна признать, что она является одной из 250 государств, мировых экономик, культур. Российская культура уникальна ровно настолько, насколько уникальна культура Беларуси, Эстонии, Молдовы, и с этим необходимо смириться. Здесь действует принцип социального равенства. Необходимо осознать, что Россия равна в этом мире, и перейти от лозунгов о величии и уникальности к нормальному экономическому соревнованию.

В. В. ТРОФИМОВ: — Роман Анатольевич, является ли западный мир гомогенным, единым?

Р. А. РОМАШОВ: — Нет, не является.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предлагается Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Десекуляризация и светское государство — частный вопрос. Но это вопрос в последние годы приобретает в нашей стране актуальность и даже политическую остроту.

Несколько лет назад Виктор Шейнис, один из членов Конституционной комиссии, сказал, что если бы сейчас возникла необходимость в изменении текста Конституции, то положение о светском характере государства было бы поставлено под вопрос. У Шейниса были основания для таких прогнозов.

Телевизионный публицист Михаил Леонтьев прямо заявил: для государства сейчас нецелесообразно объявлять Русскую православную церковь государственной, но двигаться к этому имеет смысл. Что это — импровизация тележурналиста или улавливание не всем понятных веяний, которые существуют в этой сфере?

Чтобы утешить сторонников светского государства, следует напомнить высказывание президента России 2013 года на встрече с членами Архиерейского собора: президент Путин сказал, что принцип светского государства должен быть сохранен, но при этом мы должны отказаться от вульгарного понимания светскости. Казалось бы, лучшей охранной грамоты для светского государства в современной России найти невозможно. Но в этом заявлении есть одна мысль, требующая разъяснения: нужно отказаться от примитивного вульгарного понимания светского государства. Я полагаю, что вульгарное понимание светского государства состоит в его отождествлении с советским, то есть атеистическим, государством, которое вело борьбу с религией и существенно ограничивало свободу совести. Но ведь это не единственный вариант светского государства.

В авторитетном издании «Энциклопедия религии» (это многотомное издание вышло в 1980-х гг.) ясно сказано, что существует секуляризм двух видов: атеистический, то есть антирелигиозный, и нерелигиозный.

Противники светского государства, которых сейчас немало, в том числе и среди ученых-юристов, распространяют отрицательное отношение к атеистическому государству на любое светское государство. Принцип нейтралитета государства их не устраивает. Характерный пример в этом отношении — исследование «Современное светское государство» И. В. Понкина. Он выдвигает идею понимающей светскости. По его мнению, нейтральность по отношению к религии не входит в понятие светского государства. Он убежден, что государство не может быть нейтральным по отношению к религии, а если предпринять такую попытку, то получится не демократическое, а атеистическое государство. Понкин выступает даже против юридического равенства религий в смысле их контактов с государством. Он считает, что преподавание религиозных дисциплин в государственных учебных заведениях не противоречит принципу понимающей светскости.

Возникает опасность, что понятию «светское государство» будет дана интерпретация, которая выхолостит его суть. Такая опасность стала актуальна примерно год назад, когда депутат Госдумы Гаврилов выступил в Петербурге на Юридическом форуме с заявлением, что нужно обратиться в Конституционный Суд РФ с просьбой разъяснить понятие «светское государство». Вполне возможно, что, не меняя Конституции, сформулируют определение светского государства, из которого исчезнут его классические принципы: отделение церкви от государства, свобода совести и равенство перед законом религиозных организаций и убеждений. К счастью, эта инициатива пока не получила поддержки. Хотелось бы надеяться, что ни Конституционный Суд, ни общественность не будут поставлены перед угрозой ликвидации этого понятия.

Иннокентий АВЕНИРОВ, IV курс, экономической факультет: — Сейчас ко многим явлениям сложно относиться толерантно. Россия всегда считалась многонациональной и многоконфессиональной страной. Если в государстве на государственном уровне будет принята единая религия, то это будет ущемлять права людей, исповедующих другие религии, и даже атеистов. Как быть людям, которые не хотят, к примеру, придерживаться православия?

О. В. МАРТЫШИН: — Ваш вопрос воспринимается как выступление в защиту светского государства. Вы приводите аргумент, который озвучил и президент Путин, заявивший, что в поликонфессиональной России светское государство — это гарантия нормальных отношений между представителями разных конфессий. Нельзя говорить о том, что одно государство абсолютно светское, а другое — несветское. Мы не найдем стопроцентно светского государства. Но не обязательно объявлять какую-либо религию государственной, можно создать преимущества для опреде-

ленной религии, и, кстати сказать, эти преимущества уже созданы законом 1997 года о религиозных организациях.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — С удовольствием представляю слово коллеге из Швеции Яну Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Мое выступление состоит из четырех тезисов и трех примеров.

Тезис первый. Что такое культура? Это социальное построение смыслов, которые все разделяют. Это этичность, принцип логики, рационализма, эстетика и ценности.

Тезис второй. Культура меняется, так же как меняется общество.

Тезис третий. Культура имеет политический характер, ее формирует власть, поэтому важно понимать, за счет каких сил формируется культура и как она изменяется.

Тезис четвертый. Мы можем самостоятельно формировать культурные изменения. Как только мы поймем, как изменяется культура, то сможем вмешиваться в этот процесс и сами формировать свое будущее.

Теперь приведу три примера, чтобы проиллюстрировать вышеназванные тезисы.

Первый пример — цифровое общество. Сейчас складывается новая экономика, новое общество на основе цифровых технологий. Это значит, что возникают новые идентичности, принципы, эстетика и ценности. Мы должны понимать, что делать.

Второй пример — глобальное общество. Ведется много дискуссий вокруг понятия «культура»: культура Казахстана, России, Швеции и др. Мы имеем в виду не только население определенной страны, которое проживает на этой территории. Если это общество выйдет за пределы территории, культура тоже утратит территориальный аспект. Поэтому важно понимать, что бывает культура не только определенной страны — России или Швеции, — но и вне территории. Что это значит для солидарности, всеобщего равенства и справедливости? Я не знаю, я только формулирую вопросы.

Третий пример. Существует слово «антропоцен», предполагающее, что человечество не только является творением природы, но и само формирует природу, приводит к экологическим изменениям (например, к антропогенным изменениям климата). Как мы должны относиться к этике, ценностям, экологии, какими принципами нужно руководствоваться в новом мире? Это глобальные вызовы, на которые у меня пока нет ответа.

В. В. ТРОФИМОВ: — Профессор Шолте, скажите, пожалуйста, в действительности, которую Вы обрисовали, возможны ли универсальные культурные ценности? Если да, то каковы они?

Я. А. ШОЛТЕ: — Существуют универсальные культурные вызовы. Но в результате у нас нет обобщающего универсального ответа. Я хотел бы решать проблемы, связанные с изменением климата, жизни

в новом цифровом сообществе, с позиций универсальной культуры. Но, на мой взгляд, это невозможно. Ответ на вопрос заключается не в том, чтобы найти универсальную общую культуру, а в том, чтобы научиться жить в условиях разных культур. В этом разнообразии есть динамика, развитие, которые позволят получить ответы на поставленные вопросы.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Следующий выступающий — Николай Николаевич Никулин.

Н. Н. НИКУЛИН: — Есть всем известный афоризм: у России две беды — дороги и дураки. Но, вспоминая об этих бедах, мы никогда не считаем себя второй из них. Президент Обама сказал, что Россия — это региональная держава. Президент Путин его поправил: нет, это великая держава. Говоря о российской культуре, мы называем ее великой. Как же иначе — если Россия великая, то и культура в ней великая. Пушкин, Толстой, Достоевский и др.

Хочу обратить внимание на такое понятие, как материальная культура. Это не только книги Толстого и Достоевского. Это и десятый айфон, и система Windows, и даже японский унитаз. В связи с этим возникает вопрос: а что важнее — производить или потреблять? Мы, как потребители, всецело приобщились к материальной культуре. Мы все потребляем результаты производства развитых стран, но при этом считаем, что в России великая культура. А есть ли великая материальная культура в России? Вчера господин Нигматулин сказал, что у нас вообще нет высокотехнологичных производств. Откуда может быть материальная культура, если нет высокотехнологичного производства? «Самсунг» хочет запустить производство микрочипов по 7-нанометровой технологии и строит для этого завод стоимостью 6 млрд долларов, закупает 10 станков в Нидерландах по 140 млн долларов каждый. Есть у нас такие средства? Нет. Если мы возьмем инвестиции за последние 20 лет, то окажется, что основная доля инвестиций направляется в добывающие, а не в обрабатывающие отрасли. Поэтому перспектива избавиться от сырьевой зависимости довольно туманна.

Здесь уже говорилось о том, что Норвегия не чувствует своей сырьевой зависимости, что она не «на игле». Я думаю, дело в том, что Норвегия и норвежцы хотят быть не производителями высокотехнологичных товаров, а их потребителями. Если мы остановимся на том, что мы тоже потребители высокотехнологичных товаров, а именно материальной культуры, созданной в других странах, то мы будем просто обменивать сырье на эти товары и не чувствовать никакой отсталости. Мы уже набираем эсэмэски на своих айфонах быстрее, чем американцы.

И последний тезис. Президент Путин сказал, что несырьевой экспорт надо увеличить на 50 % в ближайшие шесть лет. Правда, к несырьевому экспорту у нас принято относить, наряду с нефтью и газом, например, металлы, а также зерно. Это не высокотехнологичный экспорт. Мы останемся теми же, кем и были, — потребителями произведенных в других странах высокотех-

нологичных товаров. Но чувствовать себя из-за этого ущемленными, на мой взгляд, не стоит.

В. В. ЛАПАЕВА: — Что будет, когда мы полностью потребим нефть, металл и пр.? Страна ведь должна думать о будущем. Есть какой-то выход?

Н. Н. НИКУЛИН: — Конечно, есть. В таких случаях я всегда отвечаю только одно: Россия — богоизбранная страна, и в ней нефть и газ не закончатся никогда.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Сергею Алексеевичу Дятлову.

С. А. ДЯТЛОВ: — Информационная нейросетевая парадигма социокультурного экономического развития — вот методологический базис, на котором зиждется вся новая экономика. В рамках этой парадигмы можно создать методологические подходы для формулирования тех вопросов, на которые пока нет ответов. В рамках этой парадигмы утверждается, что субстанцией всех социально-экономических явлений является информация. Информация — это универсальная научная категория, которая лежит в основе природы всех социально-экономических явлений, в том числе культуры, денег, стоимости, финансов и т. п. Если мы посмотрим на этапы развития стоимости и денег (а деньги — это развитая форма стоимости), то увидим, что изначальная природа денег — информационная — принимала различные формы в процессе своего вызревания. Вначале это были товары, которые менялись один на другой (например, классика политэкономии — зерно и скот), потом — золото и серебро, затем сформировались бумажно-кредитные отношения. Иными словами, форма меняется в процессе развития производительных сил. И вот наступает цифровая эпоха, когда информационная природа денег попросту сбрасывает с себя все вещественные — золотые, серебряные, бумажно-кредитные — облачения и предстает в своей адекватной форме — цифровых денег, цифровых активов. Мы все еще рассуждаем в терминах прошлого века, но сейчас уже наступила качественно новая эпоха — возникла так называемая нейросетевая экономика. Цифровая экономика — это просто более узкий ее сегмент. Нейросетевая экономика зиждется на формировании новой системы, качественно нового типа глобальной сети. Это «Нейронет» — система глобальных сетей, базирующаяся на нейронных сетях, лежащих в основе функционирования искусственных экосистем с искусственным интеллектом. Иными словами, мы переходим в качественно новое состояние, когда стираются грани между людьми и вещами, поскольку и те и другие существуют в цифровом виде в информационно-сетевой среде. К Нейронету подключаются не только все вещи, не только товары и услуги, но и сами люди. В этом смысле каждый из находящихся здесь студентов является своего рода информационным образовательным продуктом, который имеет не вещественную предметность, а информационные характеристики, компетенции и качества. Поэтому информация

является универсальной характеристикой, позволяющей формулировать общие универсальные закономерности и принципы функционирования нейросетевой экономики, нейросетевой культуры, нейросетевого права.

В настоящее время, после утверждения концепции цифровой экономики, предполагается в течение года принять пакет законов, касающихся регламентации цифровых денег, цифрового права, цифровых активов. Практически речь идет о том, чтобы сформировать для каждого гражданина цифрового двойника, который будет выполнять социокультурные функции в новой цифровой среде. Есть методологические разработки и подходы, которые позволяют четко сформулировать, что такое цифровая нейросетевая экономика, нейросетевое право, нейросетевые образовательные продукты. Отвечая на вопрос, кто у кого списывает, могу сказать, что он из прошлого века. Студент-троечник сейчас не списывает у отличника — они оба все списывают у Google, Яндекс и прочих сетевых ресурсов.

И последний, очень важный момент. Наталья Капснерская, ведущий специалист, профессионал, обеспечивающий информационную безопасность многих государственных, образовательных, финансовых информационных систем, выступая недавно в Институте информационных технологий, заявила, что сейчас одна из главных проблем — обеспечение информационной безопасности всей национальной инфраструктуры, поскольку все ее базовые элементы разработаны за рубежом. И полностью переходить к цифрфикации без принципиального решения проблем безопасности очень опасно. Необходимо выработать комплексный подход в этом отношении. Стоит обратить внимание, например, на опыт Китая, где создана система «Красного файрвола», защищающая всю национальную инфраструктуру.

М. РЯБИКОВ: — Вы говорили о цифровых двойниках. Не могли бы Вы подробнее рассказать, что они собой представляют и чем отличаются от цифровых аккаунтов пользователей Сети?

С. А. ДЯТЛОВ: — Посмотрите, пожалуйста, материалы Центра стратегических разработок, возглавляемого Кудриным, который вскоре станет председателем Счетной палаты. В частности, 4 мая вышел пространственный доклад на тему «Кибергосударство», в котором вводится в том числе понятие цифрового двойника. В данный момент уже началась разработка соответствующего законодательства. Все нормативные документы, касающиеся этой темы, есть в Интернете в открытом доступе.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Уважаемые коллеги, прежде всего, разрешите поблагодарить организаторов Чтений за четкую организацию конференции — ценной междисциплинарной площадки для обмена мнениями. Мои тезисы посвящены значению деятельности в космиче-

ской сфере для развития права и экономики в условиях Четвертой промышленной революции.

Как известно, результатом Третьей промышленной революции стали информационное общество и компьютеризация. Четвертая промышленная революция, которая, очевидно, значительно изменит материальную культуру человечества, связана с роботизацией, искусственным интеллектом, широкой космической деятельностью, 3D-печатью, геной инженерией и т. д. Это неизбежно ведет к перевороту во многих областях науки, техники и культуры. Новые технологии с расширением участия в них роботов и искусственного интеллекта, с освоением нового пространства деятельности человечества и отдельных государств потребуют значительной модернизации системы государственного управления и всей системы права, правотворчества и правоприменения.

Одним из важнейших направлений развития экономики и соответственно правового регулирования становится космическая деятельность, которую многие пока еще воспринимают как нечто из далекого будущего. В настоящее время более ста стран уже так или иначе занимаются космической деятельностью. За последние десять лет их количество удвоилось, причем активность в этой сфере резко возрастает. В десятках стран мира формируется или развивается национальное космическое законодательство, которое в значительной мере дополняет международное космическое право. Создаются национальные органы управления космической деятельностью, расширяются области частного сектора в этой сфере. Необходимо отметить формирование в системе права обширной подсистемы, которая все шире внедряется во все отрасли права и не может быть сведена лишь к его отдельной или даже комплексной отрасли. Фактически вся деятельность человечества постепенно космизируется и требует как возникновения новых норм, институтов права, так и все большего расширения, применения, обновления, обновленного толкования, развития уже существующих норм, институтов различных отраслей, которые наполняются новым содержанием.

Поворотным пунктом развития космической добывающей и перерабатывающей промышленности, очевидно, станет начало промышленного использования и добыча полезных ископаемых и иных ресурсов на космических телах — Луне и астероидах, что прогнозируется на конец 2020-х годов. В настоящее время расширяется потребность императивного глобального правового регулирования. В частности, как один из вариантов прослеживается распространение юрисдикции государственных органов одной страны на территорию других, распространение законодательства США за пределы их границ, включая и космическое пространство.

Как известно, 25 ноября 2015 года Барак Обама подписал революционный закон, разрешающий частным компаниям Соединенных Штатов начать разработку природных ресурсов космических тел, с 1967 года являющихся, по международному космическому праву, общим достоянием человечества. Закон США не позволяет присваивать небесные тела и участки на них,

в том числе на астероидах, но разрешает иметь в частной собственности добытые на космических объектах ресурсы и продавать их — по аналогии с промыслом в международных водах. Естественно, это ведет к принятию соответствующих законов и в других странах. Те страны, которые замедлят или приостановят свое участие в этой начинающейся в ближайшие годы деятельности, будут вытеснены на обочину истории.

И в заключение хочу сказать, что в перспективе космизация земных глобальных систем экономики, права и культуры приведет к началу следующего этапа их развития — формированию экономики, права и культуры космической цивилизации. Вызовы и опасности, поджидающие человека и всю человеческую цивилизацию на этой стадии эволюции, могут начать проявляться уже в ходе новой промышленной революции в обозримом будущем. В соответствии с этим необходимо учитывать потребности и перспективы развития космической деятельности и в национальных правовых системах.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется нашему гостю из Болгарии Василу Проданову. Тема его доклада — «Четвертая промышленная революция и восход цифрового общества риска».

В. ПРОДАНОВ: — Ранее уже говорилось о том, что глобализация необратима, поскольку все страны в той или иной степени взаимосвязаны, и любое другое мироустройство практически невозможно. Но мне представляется, что возможно. Хочу привести несколько аргументов в пользу того, что мы находимся в самом начале процесса деглобализации.

Первый аргумент: нынешняя глобализация — далеко не первая. Так называемая интернационализация, или первая глобализация, состоялась в XIX веке. Считается, что Манифест Коммунистической партии Карла Маркса содержит первое описание процесса глобализации. Маркс тоже считал ее необратимой, полагая, что мир слишком сильно взаимосвязан, чтобы другие варианты могли реализоваться, поэтому он полагал, что революция произойдет во всех странах, а не в какой-то отдельной части мира. Но этот великий человек ошибся. Огромную роль сыграли противоречия капитализма и две мировые войны, в результате которых экономика деглобализировалась.

Второй аргумент: в 1980-х годах мы пережили вторую глобализацию, но затем вновь накопились серьезные противоречия. Это прежде всего огромное экономическое неравенство: в 2017 году 82 % всего созданного валового продукта ушло в руки 1 % человечества — самых богатых людей в мире. Начались торговые войны. С приходом Трампа эти процессы только углубились: есть новые санкции, есть националистическая война. Был брексит, в дальнейшем может случиться какой-нибудь еще, например итальянский, «эксит».

Третий аргумент. Мы много говорили о том, что уже сейчас живем в цифровом мире. Но я думаю, что цифровое общество — довольно рискованная среда обитания. С одной стороны, есть так называемые экс-

понижающие технологии Четвертой индустриальной революции. Такие быстрые перемены — признак очень неустойчивых социальных систем, для которых характерны непрерывные бифуркационные точки и скорый распад. С другой стороны, в мире нарастают горизонтальные связи, затрагивающие уже практически каждого человека, но эта всеобщая связанность означает в то же время и нарастающую уязвимость. Параллельно с этим развиваются и так называемые конвергентные технологии, связывающие физические, биологические, технологические, социальные системы. В условиях цифровой экономики это означает нарастание асимметрических рисков: небольшие группы людей могут нанести непоправимые разрушения. В цифровом мире уже нет великих и малых сил, все возможно. Как защититься в такой ситуации, если не глобализироваться? Поэтому я думаю, что в следующем десятилетии большую роль будет играть так называемый цифровой суверенитет.

И последний аргумент. Деглобализации способствуют и новые технологии. Роботизация означает, что дешевая рабочая сила из чужих стран уже не нужна. Не надо и перемещать предприятия. Возобновляемые источники энергии означают, что глобальные энергетические инфраструктуры тоже больше не нужны. 3D-печать означает, что каждый сам может производить необходимые для себя вещи. Иными словами, сейчас мы находимся в начале деглобализации. Это необратимый процесс.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — У меня вопрос: что такое, с Вашей точки зрения, цифровой суверенитет? Как бы Вы его определили?

В. ПРОДАНОВ: — Уже говорилось о том, что если ваши технологии аналогичны западным, вы очень уязвимы. Значит, нужны собственные технологии. Государство, в котором данная проблема весьма актуальна, — это Китай. Там нет Google, нет Amazon. Есть только китайские компании, над которыми осуществляется очень серьезный информационный контроль. Я думаю, что подобную систему контроля будут перенимать и расширять все остальные государства.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Хочу обратиться к проблеме делиберативной демократии, ее места и роли в системе организации современной государственной правовой жизни. В рамках вчерашней дискуссии академик Гусейнов справедливо отметил: прежде чем намечать какие-то планы на будущее, нужно более четко сформулировать отношение к настоящему. И если с этих позиций посмотреть на нашу сегодняшнюю тему, можно сформулировать следующий вопрос: каково современное культурное развитие в широком смысле слова — иными словами, во всех аспектах, что относится не к природе, а к социальной жизни? И имеет ли современное культурное развитие предпосылки для того, чтобы наметить некоторые позитивные контуры буду-

щего? Иначе говоря, если будущее формируется сегодня, то все, что мы делаем, отразится в конечном итоге в завтрашнем дне. Как гласит мудрая пословица, «готовь сани летом, а телегу зимой». Готовы ли мы сегодня к тому, чтобы «космические корабли бороздили просторы Вселенной» в ближайшие десятилетия? Готовы ли мы к тому, чтобы работать с цифровыми технологиями и использовать их на благо каждого конкретного человека? Есть ли у нас сегодня предпосылки для того, чтобы изменить всю систему государственной правовой жизни?

В выступлении на пленарном заседании Александр Сергеевич Запесоцкий подверг критике практически все основные политические и социальные компоненты современности. Капитализм в кризисе, социализм в кризисе, демократия в кризисе. Если продолжить этот ряд, то можно с той или иной степенью уверенности констатировать, что система государственного управления не только в нашей стране, но и во многих других странах тоже не в лучшем состоянии, если не в кризисе. Центр стратегических разработок также провел комплексные исследования по поводу законотворчества в современной Российской Федерации, в частности федерального законотворчества. Как оказалось, за последние 6 лет количество изменений и поправок в законодательных актах существенно возросло. Если раньше оно было относительно небольшим, то сейчас затронуло даже те законы, которые долгое время не подвергались изменениям. С одной стороны, это говорит о возросшей динамике нашей жизни, но с другой — о непрофессионализме, некачественном правотворчестве. Возникают соответствующие последствия и в правоприменении. Все это в целом — признаки не лучшего состояния нашей государственно-правовой системы. Экономика, как уже отмечалось на пленарном заседании, также находится в кризисе. Почему вводятся санкции по отношению к нам? Потому что, оказываясь, наша экономическая система не очень эффективна. Мы можем запустить ракету в космос, но в экономической сфере не способны на равноценные ответы. Сегодня справедливо отмечалось, что и материальная культура у нас пока находится на достаточно низком уровне. Так что ни на какой позитив особо надеяться не приходится: впереди нас ждет борьба и трудный путь преодоления проблем. Значит, нужно уже сейчас как-то совершенствовать систему государственного управления, в том числе правотворчество, поскольку это один из тех инструментов, с помощью которых осуществляются необходимые преобразования. Одним из рецептов совершенствования государственно-правовой системы является развитие делиберативной демократии. «Deliberate» в переводе с латинского означает «обсуждать, совещаться, совместно рассматривать». В науке этот термин был введен на рубеже 1970–1980-х годов американским исследователем Джозефом Бессетом, но более основательно разработан в трудах известного нам представителя Франкфуртской школы Юргена Хабермаса. И этот механизм, на мой взгляд, действительно способен в каком-то смысле улучшить

позиции государственно-правовой системы в любой стране, в том числе в нашей. Делиберация, то есть коммуникация в процессе обсуждения политических, экономических, правовых вопросов, представляет собой своеобразное сито, фильтр для отбора наиболее выверенных, взвешенных, продуманных решений, способных привести к реальному позитивному результату.

И. АВЕНИРОВ: — К вопросу о демократии. Недавно в Екатеринбурге были отменены прямые выборы губернатора. Теперь губернатор назначается из Москвы, и так обстоят дела во всех областях. Как Вы считаете, что лучше для демократии: прямое назначение из Москвы или прямые выборы губернатора жителями, и почему?

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажу откровенно, я негативно отношусь к подобного рода новациям. Назначение — это уже ограниченная, ущербная демократия. В изначальном значении «демократия» — это власть народа, и в рамках демократической организации эту власть нужно предоставлять ему максимально широко. Я не случайно спросил коллегу из Петербурга, какие формы изучения общественного мнения практикуются в городе. Но, помимо информационных сервисов, кажется, ничего больше не было названо. Я считаю, что нужно продумывать и разрабатывать более разнообразные формы: это и дискуссионные площадки, и форумы, и публичные слушания, и местные референдумы, и народная правотворческая инициатива на муниципальном и региональном уровнях. Должны использоваться в том числе электронные системы, но не в виде обычных интернет-сервисов, построенных по принципу «вопрос—ответ», а в виде так называемой электронной системы демократии, которая имела бы практический юридический эффект. О такой системе говорилось еще в майских указах президента 2012 года. Постепенно она начинает выстраиваться, но еще далека от завершения. И, соответственно, определять новые задачи на основе еще не выполненных достаточно сложно. Нужно, конечно, совершенствовать эту систему, предоставлять людям возможность участвовать в управлении. Иначе мы не решим тех проблем, которые сейчас есть.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Профессор Сергей Николаевич Касаткин, Вам слово.

С. Н. КАСАТКИН: — Основная проблема, которой мне бы хотелось уделить внимание, — это проблема объективности и универсальности тех или иных ценностей. В ряде предыдущих докладов прослеживалась идея о том, что культура, культурные ценности, характеристики национальной культуры — это, по сути, некие константы, некие данности. Именно они положены в основу юридической практики, оценки тех или иных правовых систем, перспектив их развития и т. д. На мой взгляд, это предполагает специальное обоснование, поскольку не совсем понятно, как формируются универсальные ценности и насколько обоснованно

можно давать оценку той или иной ценности как универсальной.

Например, вчера профессор Багис, говоря о конфликте между израильтянами и палестинцами, заявил, что «настало время быть людьми». Что конкретно означает это «быть людьми» для израильтян, для палестинцев? Даже если предположить, что есть некий объективный тип поведения, присущий именно человеку как таковому, — как оно будет выглядеть в ситуации, когда палестинцы ориентируются на свои ценности, а израильтяне — на свои? Мы говорим о том, что культура может спасти мир, или как минимум ограничить применение оружия. Но каким образом это произойдет? Почему мы говорим о культуре как о чем-то самодостаточном и очевидном?

Точно так же мы утверждаем, что ученые выше границ между странами, выше политики. Но как это возможно, если они являются представителями своего общества, разделяют его ценности и включены в его культурный контекст? Когда мы говорим о великой русской культуре и называем имена Толстого, Достоевского, Чайковского, Шостаковича, я готов согласиться, что это культурные ценности, которые существуют в рамках национальной традиции. Но в какой мере мы можем, встраивая российское общество в XXI век, руководствоваться такими ориентирами, как Толстой, Достоевский и др.? В какой мере наша повседневность, наша политическая и юридическая практика строятся на этих ориентирах? В какой степени наша самоидентификация основывается на них? Я думаю, что в незначительной.

Речь идет не о том, чтобы избавиться от универсалий, а о том, чтобы осмыслить те условия, в которых подобные универсалии являются возможными или востребованными. В этом плане мне очень близко то, о чем говорил профессор Шолте в своем докладе, посвященном транскультурализму, и сегодня, утверждая необходимость по-разному отвечать на современные вызовы. Универсалии ничего не объясняют, они сами нуждаются в объяснении. В свое время Ганс Кельзен говорил о том, что если бы справедливость была очевидной, непосредственно данной ценностью, то право не было бы необходимым. Право нужно именно потому, что справедливость не является данностью. В этом плане мне также очень понравилось вчерашнее высказывание профессора Гаджиева о том, что абсолютные, или универсальные, ценности не могут заменить нам всего остального. Я думаю, что методологически, теоретически, да и практически необходимо смещение акцентов в дискуссии об этих универсалиях. Мы можем попытаться обсудить вместо универсалий как таковых универсальные способы мышления, универсальные точки зрения, и это будет иметь большое значение и в плане философской теории, и в плане юридической практики, в том числе в сфере международных отношений.

Еще один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание, — это то, что сегодня как никогда актуальны конструктивные ценности, создание конструктивного социального пространства. Когда мы говорим о конструировании различных юридических

фактов, о переписывании истории, о систематическом создании образа государства как врага и тому подобном, — это отражение социальных процессов, социально-политических систем. В этом плане культурные и иные ценности также выступают результатом конструирования или результатом борьбы систем и технологий конструирования социальной реальности. Я думаю, важно рассматривать универсалии в контексте этих систем конструирования, в контексте столкновения различных сил, позиций и др. Поскольку нынешние Чтения включают в себя вопросы марксизма, позволю себе сказать, что это как раз подлинно марксистская позиция.

К. Е. СИГАЛОВ: — Любая религиозная система содержит универсальные объяснения для всего, что происходит в мире, и поскольку религий очень много, то, надо думать, существует и множество универсализмов, универсалистских сфер восприятия.

С. Н. КАСАТКИН: — Но, говоря о множестве универсалистских восприятий, мы тем самым девальвируем любой универсализм. Вернее было бы сказать о том, что это просто частные позиции, которые провозглашают себя в качестве универсальных.

К. Е. СИГАЛОВ: — Так они частные или универсальные?

С. Н. КАСАТКИН: — Дело не в том, что универсализм объясняет весь мир или его часть, а в том, что какие-то ценности мы признаем как универсальные, объективные, существующие независимо от нас. Мы не должны отвергать чужие ценности. Необходимо учитывать значимость иной перспективы, методологической и практической. Когда мы рассматриваем некие ценности не как основание для наших рассуждений, а как предмет нашего обсуждения, они становятся объектом конструирования в той или иной социальной практике. Если говорить о русской культуре, имеется в виду, что нужно сконструировать русскую культуру, с тем чтобы она была перспективна и приносила конкретные результаты как в существующем мироустройстве, так и внутри нашего общества.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Прежде всего хотелось бы отметить, что, по моему ощущению, Лихачевские чтения — это праздник. Собравшиеся здесь выполняют высокую миссию, возложенную на них Университетом профсоюзов, который предлагает им гуманитарные идеи для обсуждения и рационального применения. Я хочу привести один пример, показывающий, насколько важна эта миссия. Сто лет тому назад из России было отправлено три «философских парохода», куда собрали выдающихся ученых и выслали за границу, поскольку их гуманитарные научные представления не соответствовали той «единственно верной» идеологии, которая насаждалась в нашем государстве.

Уехали Питирим Сорокин, Бердяев, Ильин, Лосский, Карсавин, Франк. Какие имена! Это люди, чьи взгляды впоследствии получили широкое распространение за рубежом, но мы потеряли целые философские школы. А через 50 лет кибернетика была признана буржуазной псевдонаукой — только потому, что ее основоположник, Роберт Виннер, был не только выдающимся математиком, но и философом-идеалистом. А теперь скажите, пожалуйста, у многих ли из вас российские смартфоны? Думаю, что нет.

Теперь хотелось бы обратиться к некоторым идеям, высказанным на пленарном заседании. Например, Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов говорил о том, что право есть отображение действительности. Оно не должно превращаться в застывшую догму, должно развиваться и в каком-то смысле создавать ориентиры на будущее. Я хочу предложить рациональный подход к этой идее. Когда мы говорим о праве, мы прежде всего имеем в виду некие регуляторы общественных отношений. Эти регуляторы могут быть разными — например, это нормы, которые регламентируют общественные отношения, и правовые принципы, которые делают то же самое, но по-другому, поскольку у них другой механизм регулирования. Я расскажу подробнее, какой именно, но сначала несколько слов о происхождении этих регуляторов. Норма — это регулятор, который создает государственная власть. В первую очередь это законы, которые могут быть хорошими или плохими. А правовые принципы — это регуляторы, которые определяют те или иные нормы. Некоторые говорят о божественной природе этих принципов, о «религиозном праве», которое все объясняет, — а ведь оно состоит из принципов, взять хотя бы Десять заповедей. Аристотель считал, что эти принципы сложились как обобщение всего опыта человеческого развития.

В чем разница правового регулирования, осуществляемого с помощью норм и принципов? Нормативное регулирование очень жестко, оно осуществляется в полном объеме своего содержания, а правовые принципы действуют лишь в некоторой степени. Принцип разделения властей действует в мире, где управление происходит посредством системы сдержек и противовесов.

Теперь я перехожу к другому тезису, прозвучавшему в докладе профессора Гаджиева. Он говорил о том, что справедливость — это равновесие. Иными словами, она определяется выбором меры, выбором баланса. А справедливость как таковая у каждого своя. То есть, по сути, это фикция. Здесь стоит обратиться к «философии фикционализма» Ганса Файхингера, который придумал так называемую инструментальную функцию фикции: справедливость — это и объективное представление, которое есть у всех, и в то же время субъективное, которое у каждого свое.

Так вот, справедливость у всех разная, но принцип справедливости — это тот принцип, который проводит наш Конституционный Суд в соответствии с тем, что выбрал народ. Он сказал: давайте жить по этим принципам. И Конституционный Суд лишь выбирает меру этих принципов и находит их баланс.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — У меня вопрос. Динамика статутного регулирования, динамика доктрины, отражающей принципы, и динамика судебных решений — все это имеет место?

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Да, конечно.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — То есть динамика права существует?

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Да, разумеется.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Григорий Феликсович Фейгин, пожалуйста.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Прежде всего хочу выразить огромную благодарность Оргкомитету за возможность выступить. Вчера в ходе пленарного заседания очень часто высказывалась идея возрождения национального эгоизма, нового национализма, который в каком-то смысле противостоит современной глобализации. Изъяны и противоречия глобализации, ее негативные тренды способствуют пробуждению национального эгоизма. Эта идеология, возможно, в дальнейшем определит новый экономический порядок, новую экономическую политику. Напомню высказывание Маркса, чье 200-летие мы отмечаем в рамках нынешних Чтений: «Не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание». Да, с этим тезисом иногда спорят, но в любом случае можно сказать, что любая парадигма, любая теория рождается из осмысления определенных реалий и затем проходит испытание временем, в течение которого реалии могут изменяться.

Еще один момент, который может показаться банальным большинству экономистов, связан с законом возрастания потребностей. То есть люди сегодня хотят жить лучше, чем вчера, завтра захотят жить лучше, чем сегодня. Но в современной экономике этот закон трактуется очень широко. Что значит «лучше»? Это значит прежде всего «стабильнее», то есть необходима уверенность в завтрашнем дне. Также это означает большую степень социальной защищенности, поскольку человек не может быть всю жизнь эффективным конкурентоспособным работником. Он сначала учится, получает образование, потом работает, потом выходит на пенсию. Кроме того, жить лучше — значит получать больше положительных эмоций от жизни. И любая экономическая парадигма воспринимается в том числе с позиции того, приводят те или иные экономические рецепты к позитивному результату или нет.

И вот, говоря об идее социализма, о периоде раскола мира на две противоположные хозяйственные системы, существовавшие в XX веке, нельзя не отметить, что эта идея возникла абсолютно объективно — из сложных реалий XIX века, в которых значительная часть рабочего класса действительно жила очень бедно. И на протяжении XX века, когда мир был расколот, реально существовали две противоположные идеологии. В нашей стране была создана идеология, согласно которой в западном мире царит бесплановое стихий-

ное развитие, вызывающее конкуренцию, которая ожесточает людей, а у нас, наоборот, все планомерно, нет ожесточающей конкуренции, мы планомерно движемся вперед. Дальше мы приводили разные аргументы, убеждая всех, а прежде всего — самих себя, в том, что мы стремительно развиваемся, а если и отстаем в чем-то от Запада, то это отставание быстро сокращается. К концу 1980-х годов все откровеннее стали звучать высказывания о том, что все это, может быть, и правда, но хотелось бы видеть больше товаров на прилавках, одеваться поразнообразнее, иметь в своих квартирах обстановку получше. В целом жить хотелось бы побогаче. И вдруг выясняется, что существующая экономическая система этого обеспечить не может, и нужна другая.

В 1990-е годы, в период обучения в Высшей школе управления в Шпайере, я впервые услышал термин «глобализация». Мы часто его обсуждали на различных мероприятиях. Основная идея глобализации заключалась в том, что она дает выгоду всем: производители могут эффективнее организовать производство, по крайней мере с точки зрения минимизации издержек, а потребители получают более широкий выбор. То есть глобализация нас всех сближает и обогащает.

Но сегодня я бы сказал, что с глобализацией произошло то же самое, что с социалистическими идеями в период существования СССР. Наступило разочарование. Слишком много от нее ждали. Но она не уничтожила социальное неравенство, не решила проблему бедности, и более того, социальное расслоение при ней отнюдь не уменьшилось. Из этого расслоения, как мне кажется, и рождается национальный эгоизм. Все-таки надо учитывать, что национальные институты, национальные государственные образования — самые прочные. И в конечном счете все хотят жить лучше в своих границах, и прежде всего верят в свое национальное государство. Нынешнее обострение противоречий между странами — брексит, противостояние США и Китая, выход США из Тихоокеанского партнерства, многие другие аспекты — это различные формы проявления национального эгоизма. То есть большинство стран укрепляется во мнении, что проблему перехода к экономическому процветанию скорее удастся решить не глобализацией, а какими-то другими способами. И чем больше возникает сомнений в эффективности глобализации, тем сильнее нарастает рациональный эгоизм.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Марк Михайлович Хайкин, пожалуйста.

М. М. ХАЙКИН: — Тема моего выступления — «Влияние экономического образования студентов на развитие культурной среды». Как говорил сегодня А. С. Запесоцкий, существует множество определений культуры. Будучи экономистом, а не культурологом, я могу сказать, что для экономистов культура существует и воспринимается в очень узких, ограниченных рамках. Культура для экономистов — это прежде всего определенный сектор экономики, куда входят те или иные организации и учреждения, большая часть ко-

торых подчиняется соответствующим министерствам и ведомствам.

Когда речь идет об экономике культуры, в первую очередь подразумевается оценка результативности деятельности культурного учреждения. Чтобы было понятно, что я имею в виду, приведу несколько примеров. Для любого экономиста один из важнейших показателей — производительность труда. Но в сфере культуры, науки, повсюду, где трудовая деятельность носит творческий характер, производительность труда профессионала приобретает иррациональную форму. Об этом писал профессор Рубинштейн, насколько я помню, еще 25 или 30 лет назад. И в самом деле, если, допустим, режиссеру поставить какие-то ограничения по количеству репетиций спектакля, или автору художественного произведения — по количеству времени, которое допустимо потратить на литературный шедевр, — это будет выглядеть абсурдно.

Но сейчас мне хотелось бы поговорить о расширенном подходе к культуре. Об этом также упоминал сегодня профессор Запесоцкий: за исключением того, что свойственно человеку от природы, все прочее — как материальное, созданное руками человека, так и нематериальное, — это культура. Мне очень нравится такая трактовка, наиболее расширительная. А с экономической точки зрения все, что человек производит — будь то материальные или нематериальные блага, — трактуется одинаково: как продукты производственной деятельности. Это отсылает нас к вопросу материальной культуры. Без сомнения, еще и сто, и двести, и тысячу лет назад, и сейчас человеческий фактор приобретает разные формы, разное качество содержания, но человек всегда является центром создания любого богатства. Так вот меня, как педагога, и наверняка моих коллег и студентов, занимает вопрос, что означает экономическое образование и как оно влияет на культурную среду, культурное пространство. Здесь мы используем расширенный подход. Культура в широком смысле — это может быть и культура здоровья, и культура быта, и культура семейных отношений и социальных коммуникаций, и — специально обращаю на это ваше внимание — культура производства. И вот здесь мы уже переходим к экономическим, совершенно традиционным вещам. Я, как представитель нашего Санкт-Петербургского горного университета, не могу не вспомнить уже прозвучавшие сегодня термины: ресурсное проклятие, голландская болезнь и т. п. Хочу всех успокоить — самые авторитетные эксперты уже давно доказали, что ресурсов хватит еще на много лет, не на десятилетия, а на сотни. Этому будут способствовать и научно-технический прогресс, и освоение шельфа Арктики, и т. д. Проблема не в том, что мы добываем и продаем сырье, а в том, что по большей части только оно добывается и продается. И об этом сегодня тоже очень много говорили. Это тоже имеет отношение к нашей культуре материального производства.

И в завершение хочу сказать, что нужно, конечно же, создавать институциональную среду для нормальной работы педагога. В современных условиях, по моему глубокому убеждению, педагог должен проводить

развивающие занятия. Вот сегодня возникла небольшая полемика: надо списывать или не надо? Я обычно говорю своим студентам так: «Можете принести хоть всю свою библиотеку — если вы готовились, она вам только поможет. Если не готовились — она вам все равно не поможет». Если человек понимает, что и зачем смотреть, и может выстроить систему собственных аргументов, — пусть списывает на здоровье.

Евгений КАРБОВСКИЙ, IV курс, *экономический факультет*: — У меня вопрос по поводу ресурсов. У нас очень большое количество газа экспортируется за границу, но при этом огромная часть территории РФ до сих пор не газифицирована. И цены, по которым газ поставляется за рубеж, намного ниже, чем цены, по которым его потребляют местные жители. Как Вы относитесь к этой проблеме?

М. М. ХАЙКИН: — Я к этому факту отношусь в высшей степени отрицательно. Речь даже не о том, много у нас ресурсов или мало. Речь об институциональных проблемах — о системе правовых институтов, о контроле и учете со стороны государства. Давным-давно уже была разработана программа полной газификации всех населенных пунктов, а у нас, по статистике, газифицировано примерно 35–37 %. То есть это не ресурсное, а институциональное проклятие: столько газа — и не можем себя обеспечить.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Елена Сергеевна Садовая, пожалуйста.

Е. С. САДОВАЯ: — Благодарю Университет и организаторов за возможность выступить. Позволю себе вернуться к названию темы нынешних Лихачевских чтений и выделю ключевые слова: «будущее» и «развитие», плюс еще проскальзывающее между ними такое слово, как «вызовы». Хотелось бы связать эти понятия и кратко сформулировать связанные с ними вопросы. Ответов, скорее всего, я уже дать не успею, но вопросы, прежде всего студенческой аудитории, задать хочу. Прежде всего, что же такое развитие, каковы критерии развития и чем оно определяется? На пленарном заседании профессор Толочко сказал, что, к сожалению, развитие не определяется культурой. Тогда чем оно определяется — экономикой, геополитикой? Однозначного ответа на этот вопрос нет, все гораздо сложнее. Расчленение мира на отдельные составляющие — это научный концепт эпохи модерна, а на самом деле мир един. Откуда, собственно, возникает спрос на междисциплинарность? Дело в том, что у науки, расчлененной на отдельные отрасли, нет даже единого языка, чтобы описать все то, что сегодня происходит. Обращаясь к студентам, хочу сказать: именно вам предстоит формулировать новый понятийный аппарат и новый язык науки, которым возможно будет описать новую социальную реальность. Во многих вчерашних выступлениях говорилось о том, что мы подошли к некоему рубежу, и та система мироустройства, которая сложилась в последние 300 лет, вскоре прекратит свое существова-

ние. И кризис этой системы мы уже сейчас наблюдаем в разных проявлениях.

С одной стороны, мы наблюдаем взрывное, фантастическое развитие технологий. Есть, например, «генетические ножницы», которые могут, оказывается, конструировать нового человека. Не Господь Бог создает, а хирурги и генетики. Есть цифровой аватар личности, который, по словам Германа Грефа, в ближайшее время станет важнее самой личности. Я думаю, что студенты знают, чем отличается цифровая тень от цифрового двойника, а это значительно расширяет рамки промышленности. Все эти явления задают совершенно новый формат экономики. Наиболее прорывные технологии — искусственный интеллект и машинное обучение. Нас уже не удивляет общение с чат-ботами, мы коммуницируем с ними в Интернете вполне успешно. Но, с другой стороны, одновременно с этим взрывным развитием технологий мы наблюдаем развитие масштабных социальных дисбалансов.

Возникает вопрос: сделали ли эти технологические новшества жизнь людей — даже не скажу «более счастливой», поскольку я экономист и мыслю другими категориями, — но хотя бы социально более защищенной, социально обеспеченной? Ответ однозначен: нет, не сделали. Напротив, фиксируются обратные процессы, даже стагистические. Здесь уже много говорилось о росте неравенства, о расслоении, о социальной незащищенности и т. д. Действительно, все это мы можем наблюдать. Очевидна неэффективность прежних институтов и механизмов. Я хочу сказать, что та новая экономическая реальность, которую мы наблюдаем, которая получила название «Индустрия 4.0» и которую в Германии начали с 2011 года реализовывать, формирует совершенно новую экономику, которая называется «экономика по запросу». Думаю, вы все уже знаете, что такое «экономика по запросу» и «Интернет вещей», и как они меняют нашу экономическую реальность. Но обратной стороной этой экономики становятся занятость по запросу и труд по запросу, которые делают современного работника фрагментированным, социально незащищенным, в высшей степени уязвимым. Поэтому, как правильно заметил академик Макаров, это уже не столько цифровая экономика, сколько новый цифровой мир. Это действительно новая социальная реальность, и в этой социальной реальности мы становимся все менее и менее защищенными. Эту глобальную уязвимость людей можно назвать самой главной угрозой цифровизации экономики. Ведь в условиях все более углубленного разделения труда все мы стали очень зависимыми от занятости. Мы не можем представить себя вне сферы экономики. Мы можем обеспечить свое существование только встроившись в глобальные цепочки разделения труда. Но, с другой стороны, рабочих мест становится все меньше, и не случайно появляются такие термины, как «хайтек-люмпен» — бесполезные, не занятые люди, «киберпанк» и т. п. И это уже не слова из фантастических романов, это термины, описывающие новую социальную структуру современного общества.

И последнее. В Китае в качестве эксперимента создали своего рода модель нового общества — в круп-

ных городах разместили повсюду несколько сотен миллионов видеокamer, которые должны будут следить за поведением граждан, и в соответствии с ними будут получать бонусы или штрафы. По итогам для каждого будет установлен так называемый индекс социальной благонадежности. Вот такое общество полной цифровой подконтрольности в условиях «безлюдной» экономики нам готовят. Давайте все же остановимся на секунду в этой технологической гонке и подумаем о социальных последствиях тех технологических новаций, которые мы внедряем. Попробуем нарисовать себе образ будущего, в котором мы хотим жить, а потом соотнести его с современными тенденциями развития.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Львович Энтин, пожалуйста.

В. Л. ЭНТИН: — Хотелось бы прокомментировать некоторые идеи, которые здесь прозвучали. Первое. Четвертая промышленная революция в области техники без международного права и подкрепляющего его права национального произойти не может. Проблема связана с тем, что право консервативно, оно всегда отстает от жизни и решает проблемы вчерашнего дня, столкнувшись с проблемами сегодняшнего. Хотя это скорее комплимент. Теперь приведу конкретный пример. Я обозначил тему своего выступления как «Оцифрованная культура и авторское право». Скажем еще проще: автор — это человек, чьим творческим трудом создается произведение. Право у нас достаточно гуманно и условно, оно охраняет любое физическое лицо, чьим творческим трудом создается произведение, независимо от его назначения и качества. На самом деле это не совсем так: по факту охраняется только то произведение, которое оказалось востребованным и использованным. Какая на сегодня сложилась ситуация? Результат любой интеллектуальной деятельности — будь то текст, картина, фильм, гениальное произведение или банальное бумагомарание, — существует только тогда, когда ему придана цифровая форма. Мы сейчас перешли к другому способу потребления культуры. Если какие-то артефакты не оцифрованы и не предоставлена возможность доступа к ним, для нас — с точки зрения гражданского оборота — их как бы не существует. То, что оцифровано, сохраняется. То, что не оцифровано, с течением времени просто-напросто превратится в пыль. Но с этой оцифровкой происходит следующее. Помните знаменитое «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»? То же самое происходит сейчас с автором. С ним заключается договор, а затем происходит отчуждение его исключительного имущественного права, то есть у него отбирается все и сразу. Дальше уже в результате оцифровки, в результате гражданского оборота автора больше нет, есть правообладатель. Образуется огромное количество цепочек, в результате которых произведение оказывается в сети Интернет. Многие из нас занимаются наукой и знают, как «приятно» увидеть свой текст почти один в один в чужом произведении, и хорошо еще, если частично и со ссылкой.

Значит, возникла проблема незащищенности — чьей? Незащищенности автора, потому что нарушаются его права как личности, незащищенности правообладателя. Реакция государства — достанем большую дубину и шарахнем по всем, кто делает возможным техническое обеспечение для такого рода использования. Что происходит, мы видим на примере Telegram. То есть дайте государству дубинку — и оно будет этой дубинкой бить комаров у вас на лбу. Это не самое удачное применение возможностей государства.

В результате всего вышеперечисленного происходит отчуждение человека от результатов его труда. Причем это отчуждение приобретает еще и финансовый характер, так как происходит многократное воспроизведение. В результате самыми востребованными у нас стали профессии юриста и охранника. Охранник охраняет, а юрист объясняет, почему охранник действовал правильно. Что до творческой личности, то никакие ее проблемы не принимаются во внимание. Стало быть, имеет место двойное отчуждение: во-первых, отчуждение личности от права и правоприменения, во-вторых, отчуждение личности от результатов ее труда. Вот в этом проблема, в этом вызов. Что до всего остального — в предыдущем выступлении были хорошо описаны контуры того самого грядущего, которое уже наступает, а если судить по художественным фильмам, наступило уже довольно давно. Давайте пристальнее взглянем в это будущее, чтобы потом не ужасаться.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дамы и господа, в завершение хочу отметить несколько положительных моментов. Во-первых, прослушав все выступления, можно убедиться в том, что наследие академика Лихачева активно используется и поныне.

То есть наши Чтения — не только дань памяти этому необыкновенному человеку, но и реализация достижений его интеллекта в современных условиях. Второе. Мы рассмотрели ряд острых вопросов, которые обсуждались в разных аудиториях с различных точек зрения. Тем не менее удалось рассмотреть их сквозь призму мирового культурного развития. И наконец, третье. Вглядываясь в будущее, мы должны изучать его не только с позиции опытных профессионалов сегодняшнего и вчерашнего дня. Нам предстоит заглянуть в киберпространство. А это совершенно другой мир. Чтобы изучить его, нужно сломать множество стереотипов, догм, устаревших представлений, которые существовали в прежнем и пока еще существуют в нынешнем мире. Отчасти нам удалось это сделать.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я бы хотел поблагодарить каждого из участников за очень интересные выступления. Мне лично было очень интересно, поэтому я многое записывал. И я совершенно убежден, что сегодня не потратил время зря. Особенно я хотел бы поблагодарить тех ораторов, которые проявили предельную демократичность и апеллировали к большинству аудитории, то есть к студентам, старались говорить для студентов, и мне показалось, что многое из того, о чем они говорили, было студентам понятно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники конференции, позвольте выразить вам огромную благодарность от имени Оргкомитета за интересные дискуссии и пожелать дальнейших успехов. Надеюсь, мы встретимся снова уже на XIX Лихачевских научных чтениях. Наше заседание объявляется закрытым. Еще раз всем спасибо.